

— Питт!

Нет ответа.

— Брэд Питт!

Нет ответа. Не считать же за него энергичный скрежет пилочки для ногтей, доносящийся из-за забора.

— Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт!!!

За забором тяжело вздохнули. Деловитая пилочка смолкла, мучительно скрипнул перегруженный шезлонг, и послышался манерный голосок соседки Галочки:

— Я ва-аще не понимаю, откуда у этих голодранцев собака с та-аким королевским именем?

— Ва-аще дура, — хихикнул мой братец Эмма, он же — для своих — Эммануил, хотя по паспорту просто Виктор. — Назови мне хоть одного короля по имени Джульбарс!

Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт — это наш четвероногий друг, рыжий собачен неизвестного происхождения. Пер-

вое и второе имя, а также фамилия у него от голливудского актера, на которого симпатяга пес удивительно похож, а три промежуточных клички — от разных хозяев.

Жуком зверюгу называет мой любимый Караваев, причем в определенном смысле и с неизменной интонацией: «Где этот жук?!» Шариком собаку дразнит братец, прозрачно намекая, что наш питомец весьма упитан, ибо слишком много ест — у Эммы это вызывает озабоченность и неудовольствие, потому как он и сам не страдает отсутствием аппетита, а провианта слишком много не бывает. Джульбарсом же пса зовет его настоящий хозяин — дед Антон, живущий на краю поселка, откуда точно в соответствии с расписанием завтраков-обедов-ужинов и прибегает к нам Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт.

А в честь красавца актера пса назвала я сама. Мне очень нравится Брэд Питт. Тот, который настоящий, разумеется. Нашего у меня руки так и тянутся отходить по мохнатой попе хворостиной. Не собака, а наказание какое-то!

Если бы у некоронованного собачьего короля Уильяма Брэдли Жука Шарика Джульбарса Питта имелся официальный девиз, он звучал бы так: «Ни дня без пакости!» Сегодня, например, их четвероногое величество изволили стырить оставленный на крыльце молоток.

— Вот скажи мне, зачем собаке молоток? — вслух задумался Эмма.

— Я кто тебе, Алиса из Гугла? — рассердилась я. — Ты не частил бы с запросами. Скажи мне то, скаже мне это! Могу сказать, зачем этот молоток мне!

— Но-но! Пожалуй, лучше не говори, а то мне уже страшно! — Братец втянул голову в плечи и отодвинулся от меня подальше.

Имеет основания, если честно. Ужасно звучит, но я била его по голове. Не молотком, конечно, — не случилось у меня в тот момент под рукой молотка, — а просто стеклянной банкой в авоське. Но эффект был воистину сокрушительный!

— Я обещала Петрику испечь его любимый торт. А для «Баядерки», ты сам знаешь, требуется много орехов. И чтобы наколоть их, мне нужен молоток! — объясняя, я опять разозлилась.

— Люся, ты что? — Юный самоубийца покрутил пальцем у виска.

— Р-р-р! — сказала я ему почти задушевно.

— Р-гау? — услужливо подсказал продолжение Брэд Питт, явившийся нам из маличника.

Я посмотрела на простодушную собачью морду и вздохнула.

Нечуткий Эмма не унялся:

— Смотри на вещи проще! Чтобы наколоть орехов, нужны орехи! А вместо молотка прекрасно можно использовать... ай! Да, например, этот самый обломок кирпича! Или вот этот. Или тот... Не бросай их все в меня, мы тебе еще пригодимся!

— Кто — мы? — уточнила я, отряхивая руки от рыжей пыли.

— Я и кирпич, разумеется! Мы тебе сейчас целую кучу орехов наколем.

Вот за что я люблю своего сводного брата — он добродушен, незлобив и всегда готов мне услужить.

Братец сбегал на грядки, подобрал просвищенный мимо него обломок и вернулся на крылечко с ним и с доброй улыбкой.

— Ну, показывай фронт работ.

Я молча вынесла полведра орехов и снова скрылась в домике. Мне нужно было хоть немного побыть в полной изоляции. Превентивно. Чтобы не прибить кого-нибудь молотком или кирпичом, в итоге загремев в полную изоляцию лет на двадцать.

Вообще-то вывел меня из себя вовсе не Питт, а Караваев, которого сейчас даже нельзя было за это как-нибудь покарать. Мишаня улетел в Стамбул, а туда мне кирпич при всем желании не добросить.

Ну, ничего. Как говорится, он улетел, но обещал вернуться...

— Отложи один кирпичик на потом! — покричала я Эмме.

Бодрый стук на крыльце прекратился. Скрипнули половицы, в дверной проем на разном уровне сунулись две озабоченные физиономии — человеческая и собачья.

— Люся, я тебя боюсь, — сказал братец, и Питт согласно подгавкнул. — Скажи, в чем дело? Я же вижу, что тебя заботят вовсе не хлопоты с подготовкой к юбилею Петрика, явно есть что-то еще. Что-то личное?

— Наличное! — рявкнула я, не собираясь делиться с младшим братом своими взрослыми проблемами.

Не признаваться же ему, что я отчаянно ревную Караваяева к новой сотруднице, с которой он и отправился на переговоры в Стамбул. Переводчица ему там, видите ли, понадобится! Мог бы взять с собой Тамару Павловну, она прекрасный переводчик, очень опытный, у нее трудовой стаж почти сорок лет.

— Если ты это из-за Михаландреича... — братец проявил проницательность и неосмотрительность одновременно.

— Эмма, не заставляй меня швыряться посудой, у нас ее и так не хватает!

— Понял, ухожу к кирпичам и орехам...

Брат ретировался, Питт еще немного покрутился у моих ног, понял, что сладкого кусочка не допросится, а горькие слезы по-

казались ему невкусными, поэтому он тоже удалился.

Я осталась одна. Как хотела — в тишине и покое. Ненадолго. Заливистая телефонная трель заглушила бодрый кирпично-ореховый перестук.

— Что? — рывкнула я в трубку, даже не посмотрев, кто звонит.

— Все! — объявила Дора. — Мне надоело дожидаться, пока у тебя проснется совесть, она, я вижу, в коме. Суворова, ты вообще помнишь, что у нас завтра?

— Пятница.

— И-и-и?

— Конец рабочей недели.

— Ну и-и-и?

— И день зарплаты?

— А вот фигурки тебе, Суворова! Зарплату хочешь? А где новый текст на сайт? Анонс в соцсетях? Моя приветственная речь членам клуба? — Начальница перечисляла то, что я сегодня не сделала, и все больше ярилась. — Где это все? И ты сама, кстати, где?

— В моральном упадке и бездне отчаяния, — пробурчала я.

— Да? А что так? — Дора сменила тон.

У нас с ней вообще-то дружеские отношения.

С Дорой Дорониной я училась на журфаке. Тогда мы особо не прительствовали, потому

что нигде, кроме как в аудиториях, не пересекались. Я жила в общеаге, а после занятий подрабатывала где придется, Дора же вела роскошную жизнь в трехкомнатной квартире родителей, которые почти безвылазно работали за границей. У Дорониной было вдоволь денег, свободного времени и друзей, у меня — ровно столько же забот и проблем. Друг другу мы были совершенно неинтересны.

Все изменилось год назад, когда медиахолдинг, где я работала, развалился в пыль. Владелец бизнеса, скорбно всхлипывая, объявил, что настали совсем плохие времена для бумажной прессы, после чего, продав все активы, уехал горевать на ПМЖ в Испанию. Сотрудников, разумеется, уволили, причем с долгами по зарплате. Все тут же кинулись искать новые места, конкуренция за вакансии в городских СМИ стала запредельной, и я нашла работу не совсем по профилю, но где-то рядом с ним.

Частной лавочке с претенциозным названием «Клуб ДОРИС: ДОставка Радости И Счастья» требовался эсэмэмщик, копирайтер и пиарщик в одном лице. Владелец бизнеса оказалась та самая Дора Доронина. На собеседовании мы закономерно встретились, узнали друг друга и решили, что это судьба.

Вернее, это Дора так решила. Меня-то, если честно, подкупила обещанная внушитель-

ная зарплата. Я, правда, не думала, что за нее придется пахать днем и ночью, изо всех сил стараясь не скривить борозду и не выпасть из правового поля. Бизнес-леди Доронина виртуозно балансирует на грани закона, и я вынуждена заниматься аналогичной акробатикой вместе с ней.

«Ох, Федор Михалыч, — говорю я иногда начальнице, потому что по паспорту она Федора Михайловна, а это забавно: имя совсем как у Достоевского, — будешь ты однажды в местах не столь отдаленных писать свои собственные мемуары «Преступление и наказание!» — «Молчать, Генералюссимус! — огрызается Доронина, потому что меня зовут Люся Суворова и я мастер победоносных кампаний. — Если что, писать там будешь ты, а я — надиктовывать!»

Конечно, ничего по-настоящему криминального мы не делаем, но временами я чувствую себя без пяти минут аферисткой и мошенницей.

Пять минут, пять минут — это много или мало?

Логика утверждает, что рано или поздно мы с Дорой допрыгаемся. Здравый смысл подсказывает, что нет резона думать о морали и этике прямо сейчас, когда мне очень нужны деньги. А коматозная совесть и вовсе сладко похрапывает.

И я продолжаю работать у Дорониной. Мы с ней даже подружились и временами ведем задушевные разговоры.

— Что, неужели Караваев тебя бросил? — предположила Дора, заинтересованно сопя в телефонную трубку.

— Почему сразу бросил? Просто улетел подписывать договор с партнерами в Турции.

— А почему тебя с собой не взял?

— На следующей неделе я должна организовать юбилей Петрика! А завтра — заседание твоего клуба!

— Нашего клуба, — поправила Дора строго, опять меняя амплуа и превращаясь из доброй подружки в строгую начальницу. — Короче, Суворова, чтобы все свои недоделки сегодня закончила и завтра как штык была на работе без опоздания! И не с зареванной мордой, а в полном ажуре! Я Петрику позвоню, чтобы он проследил. — И она отключилась.

Я сделала вдох-выдох, покосилась в старое бабулино трюмо — там и впрямь обнаружилась какая-то зареванная морда, а не то, что хотелось бы.

Так, все! Надо взять себя в руки.

Я еще подышала, стараясь успокоиться, потом протерла лицо тоником и мелкими щипками выправила загнутые вниз уголки губ, вылепив себе подобие улыбки. Она получилась странноватой и малость пугающей, но все же

была определенно лучше, чем страдальческий оскал.

Решив, что в таком виде и настроении меня уже можно выпускать к добрым людям и собакам, я вышла на крыльцо и поинтересовалась:

— И что у нас с орехами?

— Лучше бы ты спросила, что у нас с пальцами, — пожаловался Эмма, баюкая правой рукой левую.

«Вот! — укоризненно сказала мне совесть, неожиданно пробудившись. — Пока ты там растравляешь свои воображаемые душевные раны, ребенок тут получает реальные физические!»

— Покажи. — Я потянулась к «ребенку» (двадцать один год, рост сто восемьдесят пять сэмэ) и осмотрела его микротравмы. — Пара ссадин, один ушиб — ерунда, до свадьбы заживет.

— До чьей свадьбы, твоей с Михаландреичем? — встрепенулся Эмма.

«Устами младенца!» — нервно хохотнул мой внутренний голос.

«Ребенок» ткнул не в бровь, а в глаз. Точнее, в мою кровоточащую душевную рану.

Караваев уже дважды звал меня замуж, но я не спешила соглашаться — хотела в полной мере насладиться необременительными добрачными отношениями. И что? Домариновала мужика до того, что он улетел к теплому морю с другой.

Но Эмме я этого говорить не стала, только нахмурилась:

— Тебе, брат, не о свадьбах надо думать, а о завтрашнем представлении.

Братец учится в Академии культуры и подрабатывает приглашенным актером на разных мероприятиях. Разброс ролей у него широчайший — от Винни-Пуха в костюме ростовой куклы до Гамлета в рубашке с ружьевами.

— На завтра у меня все готово, — заверил меня юный талант и потянулся за веником, чтобы смести с крыльца ореховую скорлупу. — Нет только денег на такси, но ты же мне дашь?

Я оставила ему деньги и ценные руководящие указания, взяла орехи и отправилась к себе. Вернее, в нашу с Петриком съемную квартиру.

На даче, которую с подачи моей покойной прабабушки Зины все называют милым словом «именьице», я не живу, а только навещаю туда иногда. В последнее время — даже реже, чем Эмма, которому я великодушно отдала свой ключ. У моего сводного брата нет собственной жилплощади, а от матушки и отчима очень хочется держаться подальше.

Вечерело, и по-хорошему мне надо было вызвать такси или позвонить шоферу Каравалева Косте, которого шеф уже приучил к тому, что он как бы наш общий водитель. Но в све-